

«Снова между нами города»: эмоциональные вызовы трансграничного родительства

Целью данной работы является проблематизация психоэмоциональных вызовов трансграничного родительства в семьях постсоветских трудовых мигрантов. Объектом исследования являются трансграничные практики родительства украинских матерей и отцов-мигрантов, рассматриваемые как социо-антропологический и социо-географический феномен, обусловленный международной миграцией и транснациональными семейными отношениями. Предметом изучения выступает украинская транснациональная семья. Работа основана на анализе результатов полевого исследования. Аналитической основой исследования является "теория циркуляции заботы",

направленная на изучение механизмов, с помощью которых транснациональные семьи обеспечивают заботу и уход членам оставленных дома семей в условиях больших географических расстояний.

Ключевые слова: трансграничное родительство, международная миграция, трансграничное материнство, трансграничное отцовство, украинская транснациональная семья.

Алиса Толстокорова

кандидат филологических наук
доцент, независимый научный эксперт¹, Украина

Трансграничное родительство как актуальная научная проблема

Открытие государственных границ после распада СССР, либерализация визового режима и возникновение границ внутри ранее единого советского пространства создали условия для возникновения межличностных и родственных отношений, осуществляемых постсоветским населением в трансграничном режиме, и вызвали появление дистантных моделей семейных отношений и практик, пересекающих границы. В научной литературе выделяются самые разные паттерны трансграничных семейных отношений: транснациональное материнство (Hondagneu-Sotelo, Avila 1997; Parrenas 2010; Толстокорова 2012 а, б; 2013с), отцовство (Толстокорова 2014; Pribilsky 2004), дочеринство и сыновство (Rohde 2012; Schans, De Valk 2011), прародительство дедушек и бабушек (Plaza 2000; Nesteruk, Marks 2009). И хотя в «век миграции» они становятся все более распространёнными, большинство родителей-мигрантов воспринимают их как крайнюю меру и «вынужденный транснационализм» (Bonizzoni, Vossagni 2013: 85), влекущий серьёзные вызовы для «межличностной эмоциональной экономики» семьи (North 2015: 53). Это вызвано тем, что фрагментированные расстоянием и границами родственные отношения «ограничивают совместные переживания и деятельность», в результате чего «нарушается эмоциональная система семьи» (Шевченко 2016: 85-86).

Р. Парренас подчеркивает, что «материнство на расстоянии» имеет эмоциональные последствия как для уезжающих за рубеж родителей, так и для остающихся дома детей. Боль расстояния влияет на чувственную сферу, вызывая ощущения беспомощности, сожаления и вины у матерей и одиночества, уязвимости и незащищенности — у детей (Parrenas 2001). У мужчин трансграничное отцовство приводит к «эмоциональным разрывам» с тяжелыми последствиями для их психологического состояния и отцовской самооценки (Parrenas 2008). От расстояния с родителями, особенно с мамами, страдают оставшиеся дома дети. Тяжелее всех переживают разлуку малыши, которым в силу юного возраста сложно понять финансовые проблемы своих «римских мам», из-за которых те вынуждены уезжать и оставлять детей на чужих людей. Психологи указывают, что у детей, особенно в возрасте 3-5 лет, развивается «комплекс покинутости», даже если за ними ухаживают бабушки (Новини тернопілля 2007). Дети считают, что мамы от них отказались и

предали их. Иногда они даже не желают поддерживать отношения с матерями, избегают общения по телефону и интернету или находят им замену из взрослых своего окружения, устанавливая с ними близкие отношения².

У мигрантов, вернувшихся с заработков домой, отмечается отсутствие эмоционального контакта и взаимопонимания с членами семьи, отчуждение, замкнутость (Ляльчук 2015; Yarovva 2007). В результате в семьях наблюдается высокий уровень конфликтности. Согласно данным эмпирических исследований, конфликты возникают в 100% семей мигрантов-возвращенцев: в половине из них (50%) они происходят часто и еще в стольких же — изредка (Ляльчук 2015: 95).

Таким образом, эмоциональный фон является организующим фактором миграции. Чувство тоски по кому-то из отсутствующих родственников вынуждает членов семьи выстраивать различные виды со-присутствия — виртуальные, посреднические, физические, воображаемые — которые усиливают ощущение семейной близости (Baldassar 2008).

Эти данные свидетельствуют об *актуальности* научной проблемы трансграничного родительства в странах-донорах миграции и *перспективности* исследования его эмоциональных вызовов как самостоятельной научной проблемы. В то же время исследователи отмечают, что «методологический национализм» (Wimmer, Glick Schiller 2003), господствующий в западной миграционной науке, сконцентрированной на изучении процесса ассимиляции мигрантов в принимающие сообщества Западной Европы и Северной Америки, тормозит изучение трансграничных практик выживания, используемых мигрантами (Levitt et al. 2015: 2). Следовательно, проблематизация «эмоциональной географии» транснациональной семьи и эмоциональных последствий трансграничного родительства является *наущной научной задачей*, требующей более тщательного изучения. Ее решение является *главной целью* данной работы.

Проблемы дефиниции

Трансграничные родственные отношения свойственны транснациональной семье мигрантов, исследования которой в международной миграциологии ведутся уже не одно десятилетие. Но несмотря на это, как справедливо отмечает И. Шевченко (2016, с. 84), словарные определения выражений, уже устоявшихся в немногочисленных публикациях по этой проблема-

¹ Толстокорова Алиса Валерьевна: e-mail: alicetol@yahoo.com, talissa@uk.net.

² Объем данной статьи не позволяет раскрыть тему влияния трансграничного характера семейных отношений на эмоциональные проблемы детей. Подробнее она анализируется в других работах автора [Толстокорова 2015; Tolstokorova 2012].

тике, отсутствуют. В справочных изданиях международных организаций (UNESCO 2008, IOM 2011; Міжнародна термінологія... 2015) их нет. На отсутствие четкого определения транснациональной семьи указывают и другие авторы (Семья... 2016: 14-16). В то же время некоторые исследователи указывают на такие характеристики трансграничных семейных отношений, как, например, принцип «семейственности» во взаимоотношениях проживающих отдельно друг от друга родственников (Bryceson, Vuorela 2002: 2) или «циркуляция привязанностей, заботы и финансовой поддержки вопреки национальным границам» (Hondagneu-Sotelo, Avila 1997: 550) или «родственные отношения родителей и детей, проживающих по разные стороны государственных границ» (Шевченко 2016: 85). Однако, вряд ли сам факт нахождения родных по разные стороны границ можно считать достаточным для определения феномена трансграничности и транснациональности в родственных отношениях, даже если они строятся на основе любви и взаимной поддержки. В первую очередь, в указанных определениях отсутствуют критерии, указывающие на транснациональный характер семейных уз. Такими критериями, на мой взгляд, следует считать 1) дистантное участие мигранта в ведении домохозяйства оставшейся дома семьи и в воспитании детей; 2) регулярность финансовых поступлений из-за границы в оставшуюся на родине семью; 3) финансовая зависимость семьи мигранта от финансовых переводов из-за рубежа; 4) временный характер проживания родственника за границей и намерение воссоединиться с семьей дома. Так, на мой взгляд, член семьи, длительно проживающий за границей и поддерживающий тесные взаимоотношения с оставшимися дома родными, высылающий им подарки и денежные переводы к праздникам и проявляющий этим любовь, внимание и заботу к ним, тем не менее, не может считаться членом транснациональной семьи мигрантов, если верно хотя бы одно из условий: 1) он/а не намерен/а возвращаться домой; 2) не участвует дистантно в ведении оставшегося дома домохозяйства и в воспитании детей (если таковые имеются) и не принимает финансовых решений, влияющих на семейную экономику и ее менеджмент; 3) в оставшейся дома семье отсутствуют родственники, финансово зависимые от денежных переводов из-за границы и мигрант оказывает им финансовую поддержку лишь от случая к случаю, а не на регулярной основе. Такого мигранта, хотя он/а и является активным участником/цей трансграничных родственных отношений, не целесообразно квалифицировать как члена транснациональной семьи и домохозяйства.

Также и отца или мать, периодически высылающих домой деньги на воспитание ребенка, но не интересующихся и не участвующих в его воспитании, вряд ли можно считать трансграничными родителями только потому, что они живут за границей и экономически участвуют в содержании ребенка. Так, в нашей выборке был случай, когда мать, уехавшая на работу в Чехию, периодически (но не регулярно) высылала свекрови в Украину деньги на содержание сына, воспитанием которого совершенно не интересовалась, т.к. за границей завела новую семью и родила другого ребенка, отказавшись от общения с сыном. Вряд ли в этом случае можно говорить о трансграничном родителе лишь на основании проживания матери за границей и ее спорадической финансовой помощи. Этот случай также демонстрирует, что транснациональная семья и трансграничное родительство, особенно осуществляемое спорадически, не являются равнозначными понятиями. Так, информантка Юлия рассказала, что ее бывший муж-мигрант, не поддержи-

вавший отношений с дочерью после развода родителей, когда девочка была еще грудным ребенком, возобновил отношения с ней и стал оказывать скромную финансовую помощь лишь после того, как уехал на работу в Италию. К тому времени девочке уже исполнилось 13 лет. Таким образом, отец стал практиковать трансграничное родительство, не будучи членом транснациональной семьи (подробнее об этом см. [Толстокурова 2014]).

В силу указанных причин, транснациональная семья определяется мной как модернизированная модель семейных отношений, порожденная международной миграцией и глобальным сетевым сообществом, основу которой составляет «воображаемый союз» ее мобильных членов, существующий на основе трансграничных отношений, когда один или более членов семьи работают за рубежом, но поддерживают **регулярные** родственные связи с родными, оставшимися дома, **исполняют свои семейные и родительские функции** и дистантно **участвуют в ведении домохозяйства**³ (см. Толстокурова 2013б: 102).

Исходя из этих позиций, под трансграничным родителем понимается географически дистантные практики родственных отношений мигрантов-матерей и отцов с их оставшимися дома несовершеннолетними детьми, характеризующиеся **активным участием в воспитании** потомства, **ответственностью** за его благополучие, **регулярным** финансовым и материальным обеспечением и **поддержанием эмоционально-психологических связей** с детьми.

Концептуальная основа и гипотеза исследования

Данная работа рассматривает трансграничные родительские практики украинских мигрантов с точки зрения «теории циркуляции заботы» (Baldassar, Merla 2013), направленной на изучение механизмов, с помощью которых транснациональные семьи обеспечивают заботу и уход своим членам в условиях трансграничности и географической удаленности, когда один или несколько близких родственников уезжают на заработки за рубеж, а другие остаются дома. Согласно этой теории, в данной работе способность к оказанию заботы как «эмоционального труда любви» (Hochschild 1983) рассматривается в качестве разновидности человеческого капитала, распределяемого внутри семьи неравномерно в зависимости от гендерных, генерационных и возрастных факторов.

Исходя из этих положений *гипотезой* данного исследования является предположение, что эмоциональный эффект трансграничного родительства может иметь разные последствия для качества жизни членов семьи разного пола, возраста, поколения и семейной роли в силу специфики циркуляции заботы, обусловленной указанными выше факторами.

Методология исследования

Данная работа является частью транс-дисциплинарного проекта, нацеленного на изучение гендерных аспектов украинской трудовой миграции. Она выполнена на основе полевого исследования, включающего следующие этапы.

- Включенное и невключенное наблюдение проводилось на протяжении 2003-2013 гг. благодаря участию автора в деятельности общественных организаций украинских мигрантов в странах Евросоюза (Великобритания, Швеция, Германия, Словакия), а также в Украине в ходе неформального общения с учителями и администрацией школ, где обучаются дети мигрантов, представителями отделов муниципалитетов по работе

³ Транснациональные семьи мигрантов недопустимо ставить в один ряд с семьями специалистов, находящихся в служебных командировках за рубежом (военных, гражданских служащих, работников по контракту), как предлагают новгородские авторы (Семья... 2016: 16). Ко второй группе логично отнести, например, дипломатов, менеджеров крупных компаний, сотрудников международных организаций и миссий, политиков и других высокопоставленных работников, выезжающих в длительные командировки за рубеж в силу служебных обязанностей. В этих двух группах семей эффект отсутствия одного из членов будет иметь совершенно иные последствия для оставшихся дома родных, чем в семьях трудовых мигрантов-заробитчан, трудоустроенных за рубежом преимущественно в наиболее низкоквалифицированных и низкооплачиваемых секторах нелегального рынка труда.

с семьями и детьми, соседями семей мигрантов, коммерсантов, обслуживающих районы концентрированного проживания семей мигрантов и др.

- Глубинные интервью и дискуссии в фокус-группах с экспертами были организованы летом 2008 г. На этом этапе были опрошены 25 специалистов по вопросам миграции, гендерных и женских исследований, социальной политики и социальной работы из государственных научно-исследовательских институтов и аналитических центров, министерств, посольств, неправительственных организаций, государственных центров трудоустройства и т.д.

- Полуформализованные интервью и обсуждения в двух фокус-группах с мигрантами и членами их семей (общее количество: 31 женщина и 13 мужчин разных возрастных групп) были проведены в период 2007-2014 гг. в Херсонской, Кировоградской и Тернопольской областях, в Киеве и во Львове. 13 интервью были собраны в странах назначения миграции (Италии, Германии, Австрии и Франции)⁴. Методологическая стратегия исследования предполагала охват респондентов, имевших опыт работы за границей в прошлом, и нынешних мигрантов, как находящихся за рубежом, так и приехавших в Украину навестить родных. Опрашивались мигранты, имеющие как краткосрочный, так и длительный опыт работы за границей. Ряд интервью проводился в телефонном режиме и дополнялся общением по электронной почте и интернет-программе Skype. Интервью с информантами, членами их семей и неформальных социальных сетей проводились как на русском, так и на украинском языках. Два интервью с экспертами и обсуждение в фокус-группе проходили на английском языке⁵.

Украинская трудовая миграция: анализ ситуации

По данным Государственной миграционной службы на 2016 год [МДСУ 2016: 41-43], количество граждан в возрасте 15-70 лет, которые в период с 01.01.2010 до 17.06.2012 работали или искали работу за границей, составляла 1,2 млн. человек или 3,4% населения соответствующего возраста. Среди населения трудоспособного возраста доля трудовых мигрантов в этот период составляла 4,1%.⁶ Результаты общенационального исследования трудовой миграции, проведенного в 2012 г, свидетельствуют, что среди общего количества украинских трудовых мигрантов почти половину (48,5%) составляют краткосрочные трудовые мигранты, свыше трети — лица, вернувшиеся в Украину из-за рубежа, и лишь каждый седьмой трудовой мигрант работал за границей 12 месяцев и более. При этом в последней категории больше женщин по сравнению с мужчинами и городских жителей сравнительно с сельскими⁷. Около половины трудовых мигрантов из Украины работали в России, другие — в соседних центральноевропейских государствах — Польше, Чехии, Венгрии, Словакии, а также странах Южной Европы — Италии, Испании, Португалии, Греции. Без официального статуса (с учетом лиц, которые выехали по туристической визе) за границей работали 20,4% мигрантов.

Эмоциональные вызовы трансграничного материнства для украинских трудовых мигранток

Большинство исследований признают, что материнские обязанности являются решающим фактором, вынуждающим

женщин оставлять семьи и уезжать на заработки за рубеж, где им приходится преодолевать многочисленные превратности судьбы, чтобы обеспечить достойное будущее своему потомству. По словам мигранток, «мы страдаем, чтобы нашим детям жилось лучше» (Lechner 2010: 453). То есть ответственность матерей перед детьми является вытесняющим фактором, стимулирующим поиск трудоустройства за рубежом. При этом трансграничный формат семейной жизни диктует необходимость построения новых пространственных стратегий родительских и супружеских отношений. Для этого мигранткам приходится выстраивать «альтернативные конструкции» трансграничного материнства (Hondagneu-Sotelo, Avila 1997), сочетая ответственность за финансовое и материальное обеспечение семьи с обязанностями по воспитанию детей, осуществляемыми через границы.

Однако, такая дистантная организация семейно-родственных отношений приводит к конфликту трансграничных матерей с традиционным гендерным порядком, который зиждется на постулате, что «место женщины — дома». Физическое отсутствие в семье, невозможность близкого повседневного контакта с детьми может вызывать у мигранток «чувство родительской вины» перед детьми (Wall, Arnold 2007):

«Домашняя работа — это сфера высокого риска. Это значит, я принадлежу этим людям без остатка. Никакой собственной жизни у меня нет. Очень бы не хотелось возвращаться к этому опыту, но у меня двое детей. В первую очередь — я мама. У меня перед ними чувство вины, что не могу дать им даже то, что мои родители дали мне». (Маргарита, преподаватель вуза, подрабатывает гувернанткой в Киеве и Москве).

Это согласуется со свидетельствами информантов Л. Балдассар, что «вина, вина, и еще раз вина — это чувствуют все мигранты» (Baldassar 2010: 16) и подтверждает определение миграции как процесса «путешествия вины» (idem). В качестве компенсаторного механизма чувству родительской вины женщины прибегают к стратегии «интенсивного материнства» (Haas 1996), изливая на своих детей максимум любви, заботы и внимания⁸. Стремление к интенсификации материнства осуществляется посредством практик финансовой и материальной поддержки оставшихся дома детей, например, посредством регулярной пересылки домой материальных и денежных средств, подарков к семейным торжествам, частыми контактами по телефону, интернету, электронной и обычной почте. Они выполняют функцию «эмоционального клея», позволяющего матерям поддерживать эмоциональную связь с детьми, невзирая на расстояния.

В то же время материнские обязанности воспринимаются женщинами как «миграционный императив» (Толстокорова 2012а: 397), обеспечивающий силы для противостояния социо-культурным и психо-эмоциональным вызовам, с которыми им приходится сталкиваться за рубежом. Например, Тамара рассказала о том, что чувство ответственности перед детьми и семьей помогало ей преодолевать болезненный эмоциональный опыт трудоустройства домработницей в итальянской семье. Она считала унижительным для своего достоинства требование работодателя питаться только вместе с ее клиентом, не готовить еду для себя и не хранить в доме собственные продукты. Однако, и сама женщина, и ее родные в Украине сочли это

⁴ В данном исследовании направление миграции не было приоритетным вопросом исследования, поскольку многие респонденты являлись «трансмигрантами» [Glick-Schiller et al. 1992], т.е. переезжали на работу из одной страны в другую в зависимости от наличия вакансий на рынке труда.

⁵ Подробнее о методологии данного полевого исследования см. [Толстокорова 2016а].

⁶ Этим обследованием не охватывались лица, выехавшие за границу к 2010 г. и с того времени не возвращавшиеся в Украину. Также не могли быть охвачены члены домохозяйств, в полном составе выехавших за границу. Кроме того, в это число не входили пограничные маятниковые трудовые мигранты и лица, которые работают и получают заработную плату в Украине и в связи с производственными нуждами осуществляют поездки за границу.

⁷ Подробнее о статистике и гендерных особенностях миграционных потоков из Украины см. [Толстокорова 2012в; Tolstokorova 2013а].

⁸ Подробнее о гендерно-специфических стратегиях преодоления эмоциональных вызовов трансграничного родительства украинскими матерями и отцами-мигрантами см. [Толстокорова 2016б].

неудобство «неизбежной эмоциональной платы» за те финансовые преимущества, которые ее дети получали благодаря трудоустройству матери за границей:

«Когда я пожаловалась об этом по телефону моей маме, она сказала: «Да, доченька, я тебя понимаю, как тебе тяжело. Но ты должна помнить: прежде всего — ты мать. Пока ты там, твоим детям здесь есть что есть, и мне есть чем платить за их учебу. Зажми свою боль в кулаке и терпи! Ради твоих детей...»» (Тамара, домработница в итальянской семье).

Географическая удаленность от семьи и детей может вызывать у мигранток «аккультуративный стресс» (Berry et al. 1987), проявляющийся в психологических и соматических, и социальных нарушениях здоровья. Это состояние свойственно мигрантам, переезжающим на новое место жительства, и является результатом погружения в иноэтничный культурный контекст, а также необходимости адаптироваться к новому стилю, ритму и нормам жизни, к новому социальному статусу, обычно связанному с деградацией. Фрагментированность транснационального семейного пространства может оказывать травматичный психологический эффект на гостевых работников, порождая ощущение нестабильности, покинутости, сожаления, грусти и одиночества. У некоторых развивается депрессия (Hondagneu-Sotelo 2001). Это ведет к эмоциональному отчуждению, усиливающему «эффект культурного шока» гостевых работников. Высокая эмоциональная цена миграции и транснационализма для матерей отмечается во многих исследованиях (Химович 2008; Толстокорова 2012в; 2013а; Wall et al. 2005; Fresnoza-Flot 2009; Tolstokorova 2012).

Сложности аккультурации матерей-мигранток в стране пребывания зачастую усугубляются «родительским культурным шоком» (Толстокорова 2012а: 398), вызываемым утратой эмоциональной связи с детьми. Одна информантка сообщила, что прожив несколько лет в разлуке со своими дочерьми, с горечью осознала, что иногда по несколько дней даже не вспоминала о них (Dalgas 2010). Бывают случаи, когда по возвращении матерей домой, их дети, выросшие без них, не могут их узнать: *«Что в этот момент переживает материнское сердце, остается только догадываться. «Наши женщины выходят из самолета во Львове, — рассказывает очевидец, — а семи-восемилетний ребенок спрашивает у бабушки: «А где моя мама?». Они долго не виделись. Мать поехала за границу, когда ребенку было лишь 10 месяцев.»* [Данилевич 2010].

Несмотря на частые контакты матерей с оставшейся дома семьей, у детей могут складываться более близкие отношения с чужими людьми или опекунами (Mummert 2005). Иногда они начинают относиться к ним как к своим настоящим матерям, забывая своих биологических мам. Это очень тяжело воспринимается мигрантками, которые начинают воспринимать себя как «псевдо-мамочек», от которых отказались собственные дети, потому что они не справляются со своим материнскими обязанностями.

Такая ситуация сложилась в семье матери-одиночки Надежды, уехавшей на заработки в Грецию, чтобы собрать деньги для оплаты учебы сына в университете. Десятилетнюю дочь она оставила на попечение своей матери, но пожилая женщина не вынесла разлуки с дочерью и вскоре после ее отъезда скончалась, оставив внучку без присмотра. Надежде пришлось обратиться с просьбой к соседке по дому, чтобы та присмотрела за девочкой:

«Вы не представляете, чего мне это стоило! Вначале я плакала все ночи напролет. Понимаете, моя девочка присылала мне такие грустные, такие трогательные письма! Однажды она мне написала: «Мамочка! Дорогая! Пожалуйста, возвращайся скорее! Пожалуйста, я очень тебя прошу! Я очень по тебе скучаю и плачу каждый день, но кому до этого дело? Они ходят по моим слезам!» И в письме был листочек с ее рисунком, он весь был разрисован слезками, а поверху рисунка

было ясно видно отпечаток чьей-то ноги. Кто-то наступил на этот листочек [плачет]. А что я могла сделать? Я не могла вернуться домой без денег, потому что нужно было заплатить за учебу сына и нужно было заработать хоть немного на жизнь. Как я могла объяснить это дочке? Она не поняла бы меня. Она мне сказала по телефону, что я ее предала и отказывалась подходить к телефону, когда я звонила соседке, чтобы узнать как дела». (Надежда, учитель музыки и эстрадная певица).

По возвращению домой женщины также могут получать психологические травмы, в частности, от «обратного родительского культурного шока» (Толстокорова 2012а: 399), проявляющегося в отчуждении и отсутствии взаимопонимания с детьми и другими членами семьи, которые за время отсутствия мигрантки повзрослели, претерпели трансформации менталитета и взглядов на жизнь. В итоге женщины сталкиваются с трудностями в общении со своими родными и близкими, а иногда — с «обратным супружеским шоком» (Толстокорова 2012а: 399), когда узнают, что мужья создали другие семьи. Особенно тяжело женщинам узнавать, что на заработанные ими деньги мужья содержали новых жен и детей, а старших детей выставили на улицу и даже лишили матерей родительских прав на них. Так, среди мигранток Италии бытует история украинки, несколько лет проработавшей в этой стране, чтобы собрать деньги на строительство дома. Заработки она отправляла мужу, домой не ездила, чтобы сэкономить деньги и побыстрее вернуться. Однако, по приезду в Украину встретила в своем доме другую жену супруга с маленьким ребенком и в результате полученной психо-эмоциональной травмы оказалась в психлечебнице.

То есть транснациональный характер семейной жизни ведет к формированию обманчивого «квази-семейного пространства» (Тюрюканова 2012: 43), искажающего реальность. В результате женщины продолжают лелеять веру в крепость семейных уз, на самом деле уже разрушенных. Знакомство с действительностью по возвращению может стать для них причиной серьезного стресса. Это относится и к взаимоотношениям с детьми. Так, вернувшись домой, одна женщина была потрясена, узнав, что еще год назад стала бабушкой. Хотя она регулярно общалась с дочерью-старшеклассницей по телефону и интернету, та боялась сообщить о том, что родила ребенка. В результате мигрантка получила шок.

Как ни парадоксально, но именно стремление сделать все возможное «для блага детей» вынуждает матерей покидать их, нередко оставляя без присмотра, что влечет за собой тяжелые последствия, как для их собственного эмоционального самочувствия, так и психологического благополучия детей. Хотя циркуляция заботы из-за рубежа с оставшейся дома семьей усиливается, это не гарантирует мигранткам полноценных эмоциональных связей с родными и не может полностью компенсировать преимуществ физического присутствия и непосредственного контакта с ними.

Причем если для самих женщин материнские обязанности имеют первостепенное значение, легитимируя отъезд из дома, то для их работодателей в странах трудоустройства они являются лишь неудобной организационной помехой, не заслуживающей внимания и поддержки (Cvajner 2011: 369-370). Это осложняет процесс циркуляции материнской заботы из-за рубежа, а родительская идентичность мигранток оказывается ущемленной, что служит деморализующим фактором трансграничного родительства.

Эмоциональный эффект трансграничности для украинских мигрантов-отцов

Хотя сегодня уже имеется немало работ по различным аспектам транснационального материнства, феномен транснационального отцовства остается малоисследованным (Kilkey et al. 2014), а эмоциональная цена «отцовства на расстоянии» для

мужчин еще практически не изучена (Dreby 2010). Это можно объяснить отсутствием социо-культурных норм эмоционального взаимодействия отцов с детьми и правил их «дистантного дисциплинирования» (Parrenas 2008) в условиях географической удаленности и тем более трансграничности. Видимо поэтому эмоциональные переживания отцов-мигрантов редко предаются огласке. Тем не менее, как и транснациональные матери, они испытывают эмоциональные травмы от разлуки, а их стратегии психологической защиты могут быть даже более само-деструктивными (Carlin et al. 2012: 195). Это вызвано эффектом «двойного отсутствия» — физического в оставшейся дома семье и социо-культурного в принимающем обществе (Sayad 1999). В то же время исследования последних лет ставят под сомнение убеждение, что эмоциональный труд и жертвы во имя семьи и детей — это прерогатива женщин (Schmalzbauer 2015). Критерием добросовестного отцовства для мигрантов-мужчин является уровень благополучия «дома» на родине, их способность позаботиться о нем (Parrenas 2008). Однако, прессинг традиционного имиджа «добытчика», вынужденного обеспечивать семью любой ценой, даже ценой собственной жизни, может иметь летальные последствия для мужчин:

«Многие не доехали, а кто, знаешь, и умерли по приезду. Вот, еще перед отъездом, возле бусика, когда провожали нас, такая, знаешь, мощная такая дамочка, вся из себя, в дубленке, вся в золоте, а муж хиленький такой очкарик, стекла вот такие толстые. И вот она его, несчастного такого, отправила туда. За длинным рублем отправила. Так умер вскоре по приезду, ну где-то в первые же недели. Не выдержал.» Валентин, рабочий строительного сектора Португалии).

Между тем, в силу распространенного гендерного стереотипа «настоящего мужчины», который должен быть сильным, заботиться о семье и по умолчанию не может быть пострадавшим, мигранты опасаются признавать, что оказались в сложной ситуации, оставаясь один на один с проблемами, проявляющимися в депрессиях, конфликтах, зависимостях и т.п. (Климчук 2011: 22; ИОМ 2008: 11). Чаще всего эмоциональное напряжение, одиночество, психологические комплексы из-за несоответствия принятым нормам маскулинности получают выход в злоупотреблении алкоголем и неупорядоченных половых связях (Pribilsky 2004; Schmalzbauer 2005; Worby, Organista 2007). Это подтверждает украинский психиатр:

«Семейные проблемы появились абсолютно у всех заробитчан, которые ко мне обращались. А страдают больше, как не удивительно, мужчины, причем те, кто уехал. Доходит вплоть до психозов и депрессий. У женщин все проявляется более завуалировано. К тому же переживания однозначно сильнее у тех, кто дальше прожил в браке.» (Мичко 2011).

Интервью подтвердили, что несмотря на относительную нормативность эффекта «отсутствующего отца» в семье с целью ее финансового обеспечения (см. Parrenas 2008), мужчины, в отличие от женщин, не испытывают чувства вины перед детьми, когда покидают их, уезжая на заработки (Dreby 2010). Тем не менее, необходимость расставания с детьми может тяжело сказываться на их родительских чувствах, особенно если в отношениях с ними возникает «эмоциональная пропасть», т.е. «чувство социального дискомфорта и эмоционального дистанцирования» (Parrenas 2005: 67):

«Для меня что было важно: дать образование детям и справиться со своим «эго». <...>. Расставаться детьми было тяжело, очень тяжело. Ну а что? Разве я не понимаю? Дети должны быть с мамой, им мама нужна. Папа тоже нужен, но мама — это главное. Дети есть дети. Я отец и должен смиряться.» (Денис, психолог, преподаватель вуза, работал разно-рабочим в Москве).

Это согласуется с утверждением, что поддержание интимных отношений с оставшейся дома семьей является для мужчин даже большим вызовом, чем для женщин, поскольку им сложнее адаптировать свою отцовскую роль к условиям дис-

тантного родительства (Parrenas 2008). Тема заботы о детях и положительного психологического эффекта от ощущения значимости своей отцовской роли для благополучия потомства рефреном звучала в историях информантов. Она выполняла роль стимула, дающего мужчинам силы для преодоления трудностей и превратностей миграционного цикла. Сергей, работавший в строительном секторе Москвы, рассказал, как в день выплаты зарплаты группа гастарбайтеров возвращалась в барак и попала в облаву полиции, конфисковавшей у них весь заработок. Невзирая на опасность и безвыходность положения, первая мысль отца-одиночки 17-летней дочери была не о том, как он проживет без денег целый месяц, а как отсутствие его финансовой помощи скажется на благополучии дочери. Он пытался объяснить это «стражу порядка», но не нашел понимания:

«Я ему говорю: брат, ну будь человеком, оставь хоть немного. Я же не о себе пекусь, у меня дома дочка, 17 лет, одна дома осталась. Ей же нужно на что-то жить, а как она без моих денег? А он: «А кто тебе сказал, что у меня дочки нет? Мне тоже дочку кормить надо. Короче, гони бабки!»

Благополучие ребенка было основным лейтмотивом в интервью Олега, долго скитавшегося в поисках работы по Западной Европе, прежде чем он нашел высокооплачиваемую работу в Австралии и перевез туда семью. «Отцовским дивидендом» (Толстокорова 2014) для него, вынужденного во время зарубежных странствий голодать и ночевать под открытым небом, стала возможность обеспечить высокое качество жизни своей дочери, помочь ей получить высшее образование в Сиднее, а затем найти высокооплачиваемую работу в Австралии.

Однако, нередки случаи и обратного эффекта циркуляции заботы, когда после отъезда отца на заработки он прекращает отношения с оставшейся дома семьей и детьми, причем у отцов это происходит чаще, чем у матерей (Dreby 2010). Так, среди мигрантов-мужчин, работающих в Португалии, являющейся основной страной назначения мужской миграции из Украины, преобладают те, кто за рубежом завели новые семьи и детей, и не поддерживают отношений с семьей на родине (Grassi, Vivet 2014: 3). Это согласуется с данными о трудовой миграции из других постсоветских стран, в частности из Таджикистана, свидетельствующими о том, что чем дольше мужчины остаются за рубежом, тем выше вероятность того, что они создадут себе новые семьи и перестанут поддерживать связь с родными, оставшимися на родине (International Crisis Group 2009). Как показывают исследования (Pribilsky 2004) и интервью с экспертами, географическое расстояние тяжело переносится мужчинами по обе стороны границ, им сложнее соблюдать верность семье. По словам одного информанта, у них «включается мука верности». [Толстокорова 2016в: 27]. Поэтому в странах трудоустройства они стремятся выстроить новые интимные взаимоотношения в качестве эмоционального щита от психологического прессинга чужеродного окружения.

Заключение

Трансграничное родительство является важной сферой исследования, поскольку предоставляет богатый материал для понимания взаимосвязи между возрастающей мобильностью населения и психо-эмоциональным благополучием современного общества высоких скоростей и технологий. Если в зарубежной литературе этому вопросу уделяется специальное внимание (Bauman, 2003; Conradson, McKay 2007; Svasek 2012), то на постсоветском пространстве, с его «драмой постсоветского великого переселения народов» (Буховец 2001) изучение трансграничных семейных отношений, в частности родительских, находится в зачаточном состоянии и ограничивается лишь отдельными работами (Толстокорова 2012б; 2013 в; Касимова 2012; Толстокорова 2014; Галиндабаева 2014; Гриценко и др. 2014; Шевченко 2016; Tolstokorova 2010). Влияние географической мобильности и трансграничности на качество эмо-

циональной жизни родителей-мигрантов и их стратегии преодоления вызываемых этими факторами эмоциональных вызовов еще не стало объектом специального исследования. В данной статье предпринимается попытка заполнить эту научную лауну.

В научной литературе имеется немало свидетельств того, что семейные отношения и обязанности не являются полностью детерминированными пространственно-временным фактором и могут быть вполне успешными в условиях больших географических расстояний (см. Baldassar, Baldock 2000; Bryceson, Vuorela 2002). Отрицательный социальный эффект трансграничной миграции на здоровье семейных отношений не является предопределенным [Graham et al. 2012: 795]. Но очевидно и то, что фрагментированность транснационального семейного пространства мигрантов затрудняет построение интимных семейных отношений. «Семейный разлад» (Transnationalism..., 2005: 5) и «дезорганизация домохозяйства» (Pribilsky 2004: 315), вызванные «мигрантскостью» (Абашин 2012), имеют высокую эмоциональную цену, поскольку «вызывают ощущение постоянной нестабильности» (Transnationalism..., 2005: 5), «покинутости, сожаления и одиночества» (Parrenas 2002: 44), что приводит к эмоциональному дистанцированию (Parrenas 2008), усугубляющему культурный шок миграции.

Проведенное исследования показало, что хотя благо семьи и детей является миграционным императивом и для матерей, и для отцов, эмоциональный труд трансграничной заботы и ухода на расстоянии распределяется внутри семьи неравномерно и имеет разный психо-эмоциональный эффект. В то время, как у матерей-мигранток циркуляция заботы с оставшейся дома семьей, как правило, усиливается, у мигрантов-отцов ее направление более диверсифицировано: она может либо усиливаться, либо ослабляться, либо перенаправляться на новые семьи в странах трудоустройства, которые выполняют функцию «эмоционального щита», смягчающего психологические риски и травмы, связанные с работой на чужбине. При этом бремя психо-эмоциональных издержек, вызванных разрушением прежних семейных отношений, перекладывается на плечи жен и детей, оставленных в Украине, ухудшая качество их жизни.

Согласно теории социологии эмоций американской исследовательницы Арли Хосшильд (Hochschild 1983) эмоции являются социальным явлением, поскольку в своих повседневных практиках люди используют своеобразные «дневники чувств» и «библии чувств», характеризующие те общества, в которых они живут. С этой точки зрения можно утверждать, что передвигаясь на большие расстояния, трансмигранты создают новые дневники и библии эмоций и чувств, в которых отражают свои материнские и отцовские переживания, диктуемые необходимостью жить отдельно от самых дорогих людей — семьи и детей. Тем самым они формируют новую **эмоциональную культуру мобильного родительства**, детерминированную пространственно — географической дистанцией, государственными границами и особенностями «солевой жизни» (Кляйненберг 2014) гастарбайтеров, находящихся в постоянном движении.

Литература:

Абашин С. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транс- национализм // Этнографическое обозрение, № 4, 2012. С. 3-13.

Буховец О. Постсоветское «великое переселение народов»: драма в зеркале статистики // Социологические исследования, № 1, 2001. С. 81-92.

Гриценко В.В., Ефременкова М.Н., Муращенкова Н.В., Смотрова Т.Н. Семьи трудовых мигрантов: социально-психологическая адаптация к условиям вынужденной разлуки. Смоленск: Смоленский гуманитарный университет, 2014.

Данилевич Н. Пастырское окормление эмигрантов на опыте украинской православной церкви // Релігія в Україні, 05.10.2010.

http://risu.org.ua/ru/index/monitoring/society_digest/38222/

Касымова С. Гендерная социализация детей в контексте трудовой миграции из Таджикистана // Диаспоры, № 2, 2012. С. 14-48.

Климчук Г. Трудовое рабство — перспективы украинских трудовых мигрантов-незаконных // Миграционные проблемы в странах Западной Европы, Российской Федерации и других республиках СНГ. Одесса: ТОВ «Элтон», 2011. С. 29-34.

Кляйненберг Э. Жизнь соло: Новая социальная реальность. М.: Альпина нон-фикшн, 2014.

Ляльчук Г.Д. Батьківсько-дитячі стосунки та їх відновлення в сім'ях трудових мігрантів // Педагогічний процес: теорія і практика, № 3-4 (48-49), 2015. С. 93-97.

МДСУ. Міграційний профіль України: 2011-2015. Київ: Міграційна державна служба України, 2016.

Міжнародна термінологія у сфері міграції: українсько-англійський тлумачний словник. Київ: БЛАНК-ПРЕС, 2015.

Мичко С. У стані тимчасової смерті: шукаючи фінансового порятунку для своїх сімей на закордонних заробітках, українці здебільшого прирікають їх на знищення // Україна молода, № 88, 26.05.2011. URL: <http://www.umoloda.kiev.ua/number/1886/188/67050/> (дата обращения 15.02.2017).

Новини тернопілля. «Італійський синдром» відіб'ється на дітях заробітчан. 11.01.2007. URL: <http://20minut.ua/news/74890> (дата обращения 15.02.2017).

Семья: Феноменология повседневности. Коллектив. моногр. Под общ. ред. Е. Элбакян, Г. Широкаловой. Н. Новгород: НГСХА, 2016.

Толстокурова А. «Мама моет раму в Риме»: Гендерные аспекты транснационального родительства в Украине // Журнал исследования социальной политики, т. 10, № 3, 2012а. С. 396-408.

Толстокурова А. Жди и помни меня!: Транснациональная семья как объект гендерного анализа // Диаспоры, № 2, 2012б. С. 25-60.

Толстокурова А. Героини нашего времени: женская трудовая миграция из Украины // Диаспоры. Независимый научный журнал, № 1, 2012в. С. 198-226.

Толстокурова А. Любовь по телефону: роль мобильной телефонии в транснациональном материнстве украинских мигранток // Журнал социологии и социальной антропологии, том XVI, № 4 (69), 2013а. С. 142-158.

Толстокурова А. Транснациональная и гендерная парадигмы в изучении международной мобильности: на примере Украины // Социологическое обозрение, т. 12, № 2, 2013б. С. 98-121.

Толстокурова А. Влияние трудовой миграции на семейные ролевые модели в украинском транснациональном родительстве // Вісник Луганського національного університету ім. Т. Шевченка, № 23 (282), частина II, 2013 в. С. 236-245.

Толстокурова А. «Папы всякие нужны»: трансформации института отцовства в украинской транснациональной семье // Журнал социологии и социальной антропологии, том XVII, № 3 (74), 2014. С. 94-111.

Толстокурова А. Женская трудовая миграция в Украине и ее последствия // Народонаселение, № 3, 2015. С. 30-37.

Толстокурова А.В. Полевые исследования гендерных аспектов трудовой миграции: этические и методологические вызовы // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, № 2 (116), 2016а. С. 43-48.

Толстокурова А.В. Трансграничное родительство: гендерные стратегии преодоления психо-эмоциональных проблем // От фрагмента к целому: парадигмы культурных изменений / Под ред. В.И. Ионесова. Самара: Самарск. гос. ин-т культуры, ЗАО «Сокол-Т», 2016б. С. 277-298.

Толстокурова А.В. Пенелопы постмодерна: модели активного ожидания в транснациональной семье украинских женщин-мигранток // Социальные явления — журнал международных исследований, № 5, 2016в. С. 22-31.

Торюканова Е. Гендерно-чувствительная миграционная политика: принципы и механизмы // Трудовая миграция в России: медико-социальные и гендерные аспекты. М.: Бюро МОМ, 2012.

Химович О. Еміграційна активність жіночого населення в Україні // Вісник Львівського унів-ту. Серія «Соціологія», вип. 2, 2008. С. 362-366.

Шевченко И. Транснациональное родительство: исследования и проблемы // Вестник РГГУ. Философия. Социология. Искусствоведение, № 2 (4), 2016. С. 84-91.

Baldassar L. Missing Kin and Longing to be Together: Emotions and the Construction of Co-presence in Transnational Relationships // Journal of Intercultural Studies, vol. 29, issue 3, 2008. P. 247-266.

Baldassar L. Le «sentiment de culpabilité»: Réflexion sur la relation entre émotions et motivation dans les migrations et le soin transnational // Journal Recherches sociologiques et anthropologiques, vol. XXI, no 1, 2010. P. 15-37.

Baldassar L., Baldock C. Linking Migration and Family Studies: Transnational migrants and the care of aging parents // Theoretical and Methodological Issues in Migration Research. Interdisciplinary, Intergenerational and International Perspectives. Agozino B. (Ed.) Aldershot: Ashgate, 2000. P. 61-89.

Baldassar L., Merla L. (Eds.) Transnational Families, Migration and the Circulation of Care: Understanding mobility and absence in family life.

- New York & London: Routledge, 2013.
- Bauman Z. *Liquid Love: On the Frailty of Human Bonds*. London: Polity Press, 2003.
- Berry J., Kim U., Minde T., Mok D. Comparative studies of acculturative stress // *International Migration Review*, vol. 21, issue 3, 1987. P. 491-511.
- Bonizzoni P., Boccagni P. Care and Circulation Revisited: a conceptual map of diversity in transnational parenting // *Transnational families, migration and the circulation of care: understanding mobility and absence in family life*. L. Baldassar, L. Merla (Eds.). New York & London: Routledge, 2013. P. 76-91.
- Bryceson D., Vuorela U. (Eds.) *The Transnational Family*. New European Frontiers and Global Networks, Oxford: Berg, 2002. P. 155-169.
- Carlin J., Menjivar M., Schmalzbauer L. Central Themes in the Study of Transnational Parenthood // *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 38, no 2, 2012. P. 191-217.
- Conradson D., McKay D. (Eds.) *Mobilities*. Special issue «Translocal Subjectivities: Mobility, Connection and Emotion», vol. 2, issue 2, 2007.
- Cvajner M. Hyper-femininity as Decency: Beauty, womanhood and respect in emigration // *Ethnography*, no 12 (3), 2011. P. 356-374.
- Dalgas K. Love and Money: Changing Family Ties Among Ukrainian Domestic Workers in Italy. Paper for the seminar «Migration and domestic care work», University of Copenhagen, 11.02. 2010.
- Dreby J. *Divided by Borders: Mexican Migrants and Their Children*. Berkeley, CA: University of California Press, 2010.
- Fresnoza-Flot A. Migration status and transnational mothering: the case of Filipino migrants in France // *Global Networks*, vol. 9, issue 2, 2009. P. 252-270.
- Glick-Schiller N., Basch L., Blanc-Szanton C. (Eds.) *Towards a Transnational Perspective on Migration. Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered*. N. Y., Annals of the New York Academy of Sciences, 1992.
- Graham E., Jordan L., Yeoh B., Lam Th., Asis M., Su-kamdi. Transnational families and the family nexus: perspectives of Indonesian and Filipino children left behind by migrant parent(s) // *Environment and Planning A*, vol. 44, 2012. P. 793–815.
- Grassi M., Vivet J. Fathering and Conjugalities in Transnational Patchwork Families: the Angola/Portugal case // *Transnational Life Network Working Paper Series*, no 5, 2014.
- Hays Sh. *The Cultural Contradictions of Motherhood*. New Haven, CT: Yale University Press, 1996.
- Hondagneu-Sotelo P., Avila E. «I'm Here, but I'm There»: the Meaning of Latina Transnational Motherhood // *Gender and Society*, no 11, 1997. P. 548-571.
- Hondagneu-Sotelo P. *Domestica: Immigrant Workers Cleaning and Caring in the Shadows of Affluence*. Berkley: UCB, 2001.
- Hochschild A. *The Managed Heart: the Commercialisation of Human Feeling*. Berkley, CA: University of California Press, 1983.
- International Crisis Group Central Asia: Migrants and the economic crisis. Asia Report no 183, 2010.
- IOM. Trafficking of men — a trend less considered. The case of Belarus and Ukraine. IOM migration research series, no 36. Geneva: International Organization for Migration, 2008.
- IOM. Glossary on Migration // *International Migration Law Series*, no. 25, 2011.
- Kilkey M., Plomien A., Perrons D. Migrant Men's Fathering Narratives, Practices and Projects in National and Transnational Spaces: Recent Polish Male Migrants to London // *International Migration*, vol. 52, no 1, 2014. P. 178-191.
- Lechner D. Interview with Marina Lewycka // *Facing the East in the West. Images of Eastern Europe in British Literature, Film and Culture*. B. Korte, E.U. Pirker, S. Helff (Eds.). Amsterdam, New York: Rodopi, 2010. P. 451-459.
- Levitt P., Lloyd Ch., Mueller A., Viterna J. *Global Social Protection: Setting the Agenda*. EUI Working Paper no 78, RSCAS, 2015.
- Mummert G. Transnational Parenting in Mexican Migrants Communities: Redefining Fatherhood, Motherhood and Caregiving. Paper for the conference «The Mexican International Family Strengths», Cuernavaca, Mexico, 1-3.06. 2005.
- Nesteruk O., Marks L.D. Grandparents across the ocean: Eastern European immigrants' struggle to maintain intergenerational relationships // *Journal of comparative family studies*, vol. 40, no 1, 2009. P. 77-95.
- North S. Chapter 2. Hiding Fatherhood in Corporate Japan // *Globalized Fatherhood*. M.C. Inhorn, W. Chavkin, J-A. Navarro (Eds.) New York, Oxford: Berghahn, 2015. P. 53-78.
- Parreras R. The Care Crisis in the Philippines: Children and Transnational Families in the New Global Economy // *Global Woman. Nannies, Maids and Sex Workers in the New Economy*. B. Ehrenreich, A.R. Hochschild (Eds.). London: Granta Books, 2002. P. 39-54.
- Parreras R. Children of Global Migration: Transnational Families and Gendered Woes. Stanford: Stanford University Press, 2005.
- Parreras R. Transnational Fathering: Gendered Conflicts, Distant Disciplining and Emotional Gaps // *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 34, issue 7, 2008. P. 1057-1072.
- Parreras R. Transnational Mothering: A Source of Gender Conflicts in the Family // *North Carolina Law Review*, vol. 88, 2010. P. 1825-1856.
- Pascoal R.H.-A., Schwartz N.E. How Family and Emotional Ties Are Used as Coercive Instruments by the Exploiters on the Romanian Feminine Migration. The Study Case of Italy // *Managing Difference in Eastern-European Transnational Families* / Eds. V. Ducu, A. Csetri. Frankfurt on Main, Oxford, New York: Peter Lang, 2016.
- Plaza D. Transnational Grannies: The Changing Family Responsibilities of Elderly African Caribbean-Born Women Resident in Britain // *Social Indicators Research*, vol. 1, issue 1. 2000. P. 75-105.
- Pribilsky J. «Aprendemos a convivir»: conjugal relations, co-parenting, and family life among Ecuadorian transnational migrants in New York City and the Ecuadorian Andes // *Global Networks*, vol. 4, no 3, 2004. P. 313-334.
- Rohde C. From Germany with Love: Transnational family networks and daughterhood construction of Russian au pair migrants // *Transnational Social Review: A Social Work Journal*, vol. 2, issue 2, 2012. P. 121-137.
- Sayad A. *La double absence. Des illusions de l'émigré aux souffrances de l'immigré*. Paris: Liber, 1999.
- Schans D., De Valk H. Filial obligations among immigrants and native Dutch: a comparison of perceptions and behaviour among ethnic groups and generations // *Gender, Generations and the Family in International Migration*. A. Kraler, E. Kofman, M. Kohli, C. Schmoll (Eds.) Amsterdam: Amsterdam University Press, 2011. P. 99-120.
- Schmalzbauer L. *Striving and Surviving: A Daily Life Analysis of Honduran Transnational Families*. London, New York: Routledge, 2005.
- Schmalzbauer L. Temporary and transnational: gender and emotion in the lives of Mexican guest worker fathers // *Ethnic and Racial Studies*, vol. 38, issue 2, 2013. P. 211-226.
- Sobritchea C. Constructions of mothering: female Filipino overseas workers // *Working and Mothering in Asia: Images, Ideologies and Identities* / Eds. T. Devasahayam, B.S.A. Yeoh. Singapore: NUS Press, 2007. P. 195-220.
- Сва́лек М. (Ed.) *Emotions and Human Mobility. Ethnographies of movement*. New York & London: Routledge, 2012.
- Tolstokorova A. Where Have All the Mothers Gone? The Gendered Effect of Labour Migration and Transnationalism on the Institution of Parenthood in Ukraine // *The Anthropology of East Europe Review*, vol. 28, no 1, 2010. P. 184-214.
- Tolstokorova A. Of Women's Bondage: Socio-Economic Effects of Labour Migration on the Situation of Ukrainian Women and Family // *Acta Universitatis Sapientiae. Social Analysis*, vol. 2, no 1, 2012. P. 9-29.
- Tolstokorova A. Partitioned Paternity: Models of cross-border fathering in Ukrainian transnational families // *Managing Difference in Eastern-European Transnational Families* / Eds. V. Ducu, A. Csetri. Frankfurt on Main, Oxford, New York: Peter Lang, 2016. P. 27-42.
- Transnationalism, Multi-Local Motherhood and Reunification among Latin American Families in Canada. Latin American Research Group, 2005. <<http://www.yorku.ca/cohesion/LARG/html/largindex2.htm>>
- UNESCO. *People on the Move. Handbook of Selected Terms and Concepts*. A. Meyer (Ed.) The Hague, 2008.
- Wall G., Arnold S. How Involved Is Involved Fathering?: An Exploration of the Contemporary Culture of Fatherhood // *Gender in Society*, no 21, 2007. P. 508-527.
- Wall K., Nunes C., Matias A.R. Female migration vision. Immigrant women in Portugal: migration trajectories, main problems and policies. Lisbon, 2005.
- Wimmer A., Glick-Schiller N. Methodological Nationalism, the Social Sciences, and the Study of Migration: An Essay in Historical Epistemology // *International Migration Review*, no 37, 2003, pp. 576-610.
- Worby P.A., Organista K.C. Alcohol use and problem drinking among Mexican and Central American im/migrant laborers: a review of the literature // *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*, vol. 29, no 4, 2007. P. 413-455.